

Генри Майкл ПАРКЕР

ИСТОРИЯ ЛЕГИОНОВ РИМА

ОТ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ГАЯ МАРИЯ
ДО ВОСХОЖДЕНИЯ НА ПРЕСТОЛ
СЕПТИМИЯ СЕВЕРА

Генри Майкл Паркер История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24630192

*История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера / Паркер Генри Майкл, Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-9524-5272-5*

Аннотация

Авторитетный английский историк Г.М.Д. Паркер, преподаватель колледжа Магдалины в Оксфорде, в своей книге рассматривает все аспекты внутренней организации римской армии со времен военной реформы Гая Мария до начала III века н. э. Ученый описывает символику и атрибутику частей, вооружение и экипировку офицеров и солдат, особенности несения службы в мирное время и в период военных кампаний. Особый интерес представляют главы, посвященные повседневной жизни легионера, деталям его службы – оплате, питанию, наградам и наказаниям. Ученый также рассказывает о системе

денежных накоплений, семейном положении легионеров и особенностях жизни в каструме – военном лагере.

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Генри Майкл Паркер
История легионов Рима.
От военной реформы Гая
Мария до восхождения на
престол Септимия Севера**

Henry Michael Denn
PARKER

THE ROMAN LEGIONS

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2017

Предисловие

Период, выбранный для исследования, начинается с военной реформы Гая Мария и завершается восхождением на престол Септимия Севера. Моя главная цель – исследование внутренней организации легионов, районов, из которых они набирали своих рекрутов, и условий, в которых солдаты проходили службу и завершали ее. Также была сделана попытка проследить передвижения легионов в течение первых двух столетий принципата, обстоятельства, при которых формировались новые подразделения и обычные боевые и походные порядки. Во введении кратко описаны стадии развития армии в республике до Мария. Вместе с тем я избегал подробного описания конкретных кампаний, поскольку в большинстве случаев имеющиеся материалы уже были собраны и опубликованы другими английскими авторами, а такие вопросы, как устройство лагерей, осадные операции и подрывное дело, выходят за рамки этой книги.

Рассматривая различные аспекты избранной мною темы, я счел правильным подробно изложить наиболее важные проблемы и обсудить возможные решения, поэтому значительные части книги получились противоречивыми. Но даже если они представят интерес для исследователей Римской империи, смею надеяться, что другие части привлекут более широкий круг читателей.

Понятно, что в своей работе я опирался на труды других авторов, занимавшихся изучением римских легионов до меня, и отдаю должное их трудолюбию и глубоким научным знаниям. Особенно хочу отметить свою бесконечную признательность двум немецким ученым – А. фон Домашевски и Э. Риттерлингу. Даже если в некоторых случаях я сделал другие выводы, знания, почерпнутые мною из их фундаментальных трудов, воистину бесценны.

При подготовке книги к публикации мне активно помогали друзья по Оксфорду, и я не могу не воспользоваться возможностью выразить им мою благодарность. Это д-р Г. Стюарт Джонс, в недавнем прошлом профессор древней истории, который прочитал мою рукопись и дал ряд ценных советов и замечаний.

Введение

Римская армия до Мария

Армия принципата делилась на легионы и *auxilia* – вспомогательные отряды. И в тех и в других служили профессиональные солдаты. Система набора, сама по себе, была не нова. Так же как конституция принципата теоретически являлась продолжением республиканской формы правления, армия, самая важная из общественных служб, была основана на принципах, заложенных Марием. Поэтому рассказ об организации и использовании легионов при принципате удобно начать с рассуждений о природе реформ Мария. А чтобы понять их важность, необходимо обозначить этапы, через которые прошла армия в ранние века республики.

В монархический период римская армия развивалась от воинских подразделений знати, сплотившейся вокруг вождя, в городскую милицию, набираемую из богатейших людей государства. Говорят, что у Ромула была армия из 8000 пехотинцев – *pedites* и 800 конников – *celeries*, которых ему давали три примитивных римских племени и их подразделения из 80 курий – *curiae*, и эта сила, вероятнее всего, была представлена патрициями или людьми благородного происхождения. Таким образом, пригодность к службе в армии изначально зависела в Риме, как и в большинстве примитив-

ных сообществ, от *uvog* – уз крови. Когда давление со стороны племен, живших на окружающих Рим холмах, стало угрожать существованию маленького государства, знать оказалась недостаточно компетентной, чтобы обеспечить его защиту, и армия была усилена рекрутами из плебеев. Эту перемену Ливий и Дионисий приписывают Сервию Туллию и его разделению римского народа на классы, после чего только богатство, а не право рождения стало критерием пригодности к военной службе. Было сформировано пять классов, отличавшихся друг от друга размером собственности, необходимой для их членов. Тяжеловооруженная пехота набиралась из первых трех или четырех. Оставшийся класс (или классы) поставлял легковооруженную пехоту, которую называли рорарии – *rorari*. А те граждане, богатство которых превышало установленные границы для самого высшего класса, составляли отряды эквитов – *equites*, которые были скорее конными стрелками, чем кавалерией. Солдаты должны были сами приобретать вооружение и, вероятно, оснащение, которое было разным, исходя из средств индивида. Как боевая сила, тяжеловооруженная пехота была организована в фаланги, внутри которых солдаты разделялись на принципов, гастатов и триариев. Обычным наступательным оружием была гаста – тяжелое ударное копье и греческий меч или кинжал. Для защиты самые богатые воины использовали латы, круглые щиты (клипеи, клипеусы), а также, как и другие солдаты, шлемы и, возможно, поножи. Такой, в общих чер-

тах, была армия позднего монархического периода, и пока в ее организации нет никаких отличительных особенностей. Она сходна с фалангами греческих государств и набиралась из тех, кто мог себе позволить приобрести экипировку.

Следующий этап развития армии традиционно связывают с именем Марка Фурия Камилла. Рим был втянут в длительную осаду города Вейи, и едва успел оправиться от этой десятилетней войны, как на него хлынули галлы, и после победы при Аллии они захватили Рим – весь, за исключением Капитолия. Всякий раз его спасала стратегия Камилла, поэтому неудивительно, что традиция приписывает важные реформы именно ему. Было внедрено три новшества. 1. Солдатам стали выплачивать денежное содержание. 2. Защитное снаряжение было усовершенствовано принятием овального меча *скутума* вместо круглого *клепеуса*, а в новом наступательном оружии метательное копье *пилум* сменило *гасту*. 3. Фаланга была ликвидирована. Ее сменил легион, организованный в манипулы, первоначально состоявшие из 60 человек, а позднее – из 120 человек каждый.

То, что все эти перемены имели место одновременно и под влиянием одного человека, само по себе представляется маловероятным. Хотя осада Вейи вполне могла повлечь за собой необходимость обеспечения войскам денежного содержания, принятие нового вооружения и нового тактического формирования, вероятнее всего, должно было стать результатом серии кампаний, в которых Риму противостояли вра-

ги, с успехом применившие против него и то и другое. В V и IV вв. до н. э. Этрурия и Самний были главными соперниками Рима и, согласно литературным свидетельствам, и там и там использовали *пилум*¹. А природа нового наступательного оружия предполагает, что манипула была принята по причине того, что отвечала его специфическим требованиям. Метательное копье не может успешно использоваться солдатами в сомкнутых рядах фаланги, поэтому возникла необходимость в некоем более свободном формировании, чтобы у каждого воина было место для прицеливания и метания копья. Тогда, если римляне узнали о преимуществах *пилума* над *гастой* от своих врагов, возможно, манипула начала вытеснять фалангу еще в конце V в. до и. э. О том, что перемена не была внезапной и полной, свидетельствует рассказ Ливия об организации легиона, который, несмотря на свою противоречивую природу, может свободно относиться к этому периоду. *Гастаты* и *принципы*, которые, благодаря странной инверсии, теперь представляли первую и вторую линии соответственно, получили общее имя *антепиланы*, чтобы показать контраст с третьей линией *пиланов*. Последние, как подразумевает их название, все еще двигались сплоченными рядами². Поэтому представляется вероятным, что только две

¹ Однако, возможно, *pilum* произошел от римского *verutum*, оружия легкой пехоты Сервия.

² Они так назывались не потому, что были вооружены *пилумами*. Слово произошло от латинского *pilus* – сомкнутый ряд (примеры: *primus pilus*, *agmen pilatum*, *legions pilatae*).

первые линии были вооружены *пилумом* и организованы в манипулы, а третья линия продолжала существовать в виде фаланги и была вооружена *застой*.

Таким образом, в течение полутора веков, которые начались осадой Вейи и достигли своей кульминации в Первой Пунической войне, в римской армии имело место два больших достижения. Во-первых, введение оплаты сделало возможными зимние кампании. Во-вторых, появление нового наступательного оружия и, следовательно, нового тактического формирования позволило римлянам отойти от традиций военного дела греческих гоплитов и разработать новый метод атаки, который в следующем веке позволит разгромить македонскую фалангу.

Опыт, полученный в Пунических войнах, сыграл важную роль в дальнейшем развитии системы римских легионов. Это отражено в рассказе об этом Полибия. В течение обычного года, независимо от союзников – *socii*, которые сражались в собственных отдельных формированиях, две армии, состоявшие из двух легионов каждая, собирали и отдавали под командование двух консулов. В подчинении консула находилось двадцать четыре военных трибуна, по шесть на каждый легион, которые до этого прослужили пять или десять лет. Им вменялось в обязанность выбирать солдат для круглогодичных армий из племен, которым выпал жребий поставлять их. Это было похоже на выбор сторон в игре. Группы из четырех человек, равных по возрасту и физическому раз-

виту, подбирали председательствующий магистрат, и трибунам каждого потенциального легиона давали право первого выбора поочередно. Процесс продолжался до тех пор, пока завершалось формирование четырех легионов по 4200 человек каждый. Затем организация каждой армии шла отдельно. Самые юные и беднейшие солдаты становились *велитами* — легковооруженными пехотинцами. Ближайшие к ним по возрасту — *гастаты* — передовые войска. Солдаты в самом расцвете сил — *принципы* — занимали вторую линию. Самые старые и опытные солдаты занимали третью линию. Их называли *триариями*. Как правило, *велитов*, *гастатов* и *принципов* было по 1200 человек, и число триариев никогда не превышало 600, даже если легион увеличивался до 5000 человек. *Гастаты*, *принципы* и *триарии* подразделялись на манипулы и центурии, так чтобы было по десять манипул и двадцать центурий в каждой линии. Всего легион состоял из тридцати манипул и шестидесяти центурий. Каждая манипула имела двух центурионов, выбранных из солдат за храбрость и выносливость, двух младших офицеров, которых называли *опционами*, и двух знаменосцев — *вексилляриев*. Старший центурион командовал правой, а младший — левой центурией манипулы. *Велиты* не были организованы в отдельный манипул, а приписывались к ним в пропорции двадцать человек на каждую центурию из трех линий. В дополнение в каждом легионе имелось 300 кавалеристов, организованных в десять *турм*, каждая турма состояла из трех

декурий, которыми командовали *декурионы*. Таким образом, каждая *турма* имела трех *декурионов*, что соответствовало трем *центурионам* пехоты.

Велиты отличались от остальных солдат экипировкой. Они носили *парму* — круглый щит. Считалось, что его достаточно для их защиты. Их наступательным оружием был *гаста ееллатрис*³ — уменьшенная копия *пилума*. Древко было длиной три фута, а наконечник — около 9 дюймов. Три другие группы имели одинаковую оборонительную экипировку, состоящую из *скутума* — овального щита⁴ длиной около четырех футов, сделанного из кусков дерева, покрытых шкурами. *Скутум* был усилен металлической бляхой в центре и имел металлическую окантовку. Также в состав оборонительной экипировки входили шлемы, различающиеся гребнями разных цветов, поножи и бронзовые нагрудные пластины, которые самые богатые солдаты заменяли кольчугами. Наступательным оружием *гастатое* и *принципов* был *пилум* — метательное копье⁵, которое имело деревянное древко длиной четыре с половиной фута и железную часть такой же длины. При соединении железная часть вдви-

³ Это метательное копье было легче и имело более короткий наконечник, чем старый *verutum*.

⁴ Цилиндрический щит, который носил легионер I в. н. э., судя по всему, был принят незадолго до времен Цезаря. Вероятно, он был такой же, как щит самнитов.

⁵ Каждый солдат нес две *пилы*, которые отличались друг от друга толщиной древка.

галась на половину своей длины в древко. Также их оружием был *гладий* — обоюдоострый испанский меч, который носили с правой стороны. *Триархи* между тем сохранили *гасту* — ударное копьё, вместо *пилума*.

На поле боя легион выстраивался в три линии. Передняя линия состояла из двух манипул *гастатов*, по два центуриона в каждой манипуле, сражавшихся бок о бок. Между манипулами обычно оставалось пространство, равное ширине фронта самой манипулы. *Принципы* выстраивались так же как *гастаты*, чтобы закрыть бреши между манипулами передней линии, а *триархи* «равнялись в затылок» *гастатам*. То, что это обычное тактическое формирование, следует из рассказа Полибия о битве при Заме. Сципион, по его утверждению, не строил *принципов*, как было привычно, за промежутками в передней линии, а приказал им следовать прямо за манипулами *гастатов*. И если боевые слоны карфагенян отеснят *велитов*, высланных против них, те смогут отступить через промежутки в передней линии в тыл легиона, и преследующие их слоны не нарушат боевого порядка в манипулах второй линии. В каждой центурии солдату выделялся квадратный ярд, на котором он находился, и от соседей его отделяло дополнительно три фута. Это давало достаточно места для использования *пилума* и *гладия*. Обычно сражение происходило следующим образом. После небольшой перестрелки, развязанной легковооруженными войсками и кавалерией, *гастаты* начинали наступление и, достиг-

нув расстояния удара, бросали *пилы*. Если начальная атака оказывалась успешной, весь легион двигался вперед, и, когда принципы оказывались на расстоянии действительного поражения, они с силой бросали копья над головами *гастатов*. В других обстоятельствах они усиливали переднюю линию, заполнив промежутки между манипулами, а *триархи* занимали места на флангах. Когда солдаты вплотную подходили к противнику, они использовали в ближнем бою мечи, чтобы окончательно решить все проблемы. Если же *гастаты* были вынуждены отступить, то они двигались назад под прикрытием действий *принципов* в промежутки второй линии, а в случае кризиса отступление продолжалось, пока не достигалась третья линия.

Рассказ Полибия, разумеется, является формальным и представляет армейскую организацию на бумаге, то есть демонстрирует стереотипный метод наступления и обороны. Во время кризиса Второй пунической войны количество легионов и их численность были значительно увеличены. К примеру, в 211 г. до н. э. было собрано двадцать три легиона, а в Македонских войнах численность этих подразделений варьировалась от 5200 до 6000 человек. Система набора в армию, которая существовала в мирное время, не могла быть использована в случае военного положения. Когда необходимость в войсках была срочной, не имелось времени подбирать группы людей, примерно равных по возрасту и физическим данным, да и вербовка не могла ограни-

чиваться только имущими классами. Набор в армию, *дилектус*, велся не только в Риме, но и в других регионах Италии. К примеру, в 212 г. до н. э., по утверждению Полибия, было специально назначено две комиссии из трех человек, чтобы вербовать свободных горожан, живущих до пятидесятого мильного камня от Рима и за его пределами, а после битвы при Каннах два легиона было набрано из рабов. Наконец, хотя, согласно букве закона, трибуны должны были иметь за плечами пять лет службы, согласно многочисленным примерам, ими становились молодые люди аристократического происхождения. Так, Публию Корнелию Сципиону, бывшему в 216 г. до н. э. военным трибуном, было двадцать лет. А Тит Фламинин, ставший консулом в 198 г. до и. э. в возрасте тридцати лет, был трибуном в 210 г. до и. э., то есть когда ему было всего лишь восемнадцать. Практика назначения совсем молодых людей военными трибунами существовала до конца периода республики и по большей части явилась причиной упадка этой должности и подъема *легатов*.

После периода Самнитских войн в организации, оснащении и тактике римского легиона произошли существенные изменения.

1. Теперь формирование в манипулы было расширено до *триариев*. Солдаты разделялись на *гастатов*, *принципов* и *триариев* на основании возраста и физических качеств, а не их собственности. *Велиты* заняли место *рорариев*. Действуя или независимо, или в связке с *эквирами* в бою, они были, в

административных целях, прикреплены к центуриям тяжелооруженной пехоты. Рост манипул и центурий возвысил младших офицеров, и, в то время как важность должности трибуна неуклонно уменьшалась, центурионы стали основой легиона.

2. *Пилум* стал лучше сбалансирован и приобрел большую мощь благодаря уменьшению длины наконечника. Сходство между *пилумом* Полибия и испанской *фаларикой* предполагает, что это изменение могло стать результатом римского опыта сражений с испанскими племенами. Последующая замена *пилумом гасты* на двух передних линиях обусловила необходимость для легионеров иметь эффективное оружие ближнего боя. Эпитет «испанский», который Полибий применяет к *гладью*, указывает на вытеснение старого короткого заостренного меча и предполагает, что колюще-рубящие мечи испанских племен настолько впечатлили римлян, что они стали постоянно использовать обоюдоострые клинки, отдав им предпочтение в сравнении с длинным незаостренным оружием галлов. Наконец, сохранение *гасты* как наступательного оружия *триариее* даже после их организации в манипулы показывает, что Рим пока еще не был убежден в абсолютном превосходстве *пилума* в любых обстоятельствах и предпочитал полагаться на ударное копье для финального подкрепления атаки или, наоборот, если *гастаты* и *принципы* отступят, для удержания последней линии обороны.

3. Превосходство рассредоточенного боевого порядка было продемонстрировано в Македонских войнах. На плоской местности компактная фаланга более или менее неуязвима, но на пересеченной местности неповоротливость ставит ее в крайне невыгодное положение в сравнении с мелкими формированиями, солдаты которых могут метать копья с большого расстояния, а потом бросаться в ближний бой с мечами. Кроме того, успех больше не зависел от сохранения фаланги в неизменном состоянии. Римское построение в три ряда показало возможности подкрепления и взаимной поддержки. Если *гастаты* отступали, сражение не заканчивалось, потому что эффективное сопротивление могла оказать вторая линия обороны или даже третья. И наоборот, подкрепление могло быть в любой момент послано на фланги или для заполнения брешей, вызванных потерями на фронтовой линии.

Но, несмотря на усовершенствования, римские легионы набирались ежегодно, а профессиональной армии не было⁶. Имущественный ценз, пусть даже уменьшившийся, а во времена кризисов и вовсе приостанавливаемый, официально так и не был ликвидирован, и армия теоретически представляла собой городскую милицию земельных собственников. Период мира, последовавший за столетием иностранных войн, показал необходимость дальнейших реформ.

⁶ Обязательство служить распространялось на двадцать *стипендий*, или кампаний.

Глава 1

Военные реформы Гая Мария

Во второй половине II в. до н. э. содержание армии осложнилось из-за экономической и политической ситуации в Италии. Из Пунических и Македонских войн Рим и его легионы вышли триумфаторами, государство приобрело новые обширные территории и стало богаче. Но хотя обычные солдаты несколько выиграли каждый в отдельности, самый большой выигрыш выпал на долю политических и военных лидеров из числа сенаторов, которые существенно укрепили и расширили свое влияние. Львиная доля военной добычи оказалась в их руках, и они вернулись домой очень богатыми людьми. Позже, став губернаторами провинций, они нашли возможность продолжить накопление богатства. Одновременно в Риме и по всей Италии активно шел рост крупного и влиятельного класса предпринимателей. Во время войн члены этого класса обеспечивали армию едой, амуницией и одеждой, а в последующие дни мира сделали состояния на сборе налогов в провинциях и денежных займах под грабительские проценты. В результате сенаторы и другие аристократы стали капиталистами, и, в поисках надежного применения средств, посчитали, что самым безопасным и выгодным вложением является земля. Да и недостатка в *ager*

publicus — общественных землях — не было. Даже после распределения небольших наделов солдатам-крестьянам в Италии и за ее пределами осталось еще много земель, которые можно было возделывать и разрабатывать. Такая деятельность была невозможна без капитала, и римское правительство, стараясь не держать земли невозделанными, с радостью отдавало их капиталистам-покупателям. Таким образом, крестьянин-собственник был вынужден конкурировать с богатым землевладельцем, в распоряжении которого был дешевый рабский труд и оплаченные надсмотрщики, которые контролировали работу хозяйства, в то время как сам собственник продолжал жить в городе, наслаждаясь всевозможными удовольствиями и развлечениями. Результат был неизбежен. Мелкий владелец, не в силах найти выгодный рынок для своих продуктов, продавал землю и либо становился арендатором у капиталиста, либо перебирался в Рим, привлеченный дешевой едой. Последовавшая безработица и перенаселение столицы заставили Гракхов сделать попытку восстановить мелкие землевладения в Италии, но их усилия не дали результатов. Дни крестьянина — мелкого собственника прошли.

Перемены во владении землей в Италии оказали серьезное влияние на вербовку в легионы. Определенная оценка собственности все еще была техническим цензом для службы в легионе. Одновременно число крестьян-собственников быстро уменьшалось. Прежние территории, где велась вер-

бовка, опустели, и все же сенат, который приобрел суверенную власть во время великих войн, был против официального открытия пути в легионы для бедных жителей Рима, так же как и расширения комплекса благ для союзников Италии, что автоматически увеличило бы количество потенциальных рекрутов. Союзники – *socii* — были организованы в собственные боевые подразделения, которые находились под общим командованием римского *префекта*. Теоретически их доля в войсках не должна была превышать контингенты римских граждан, но постепенно, по мере обнищания регионов вербовки рекрутов и роста нежелания римского среднего класса участвовать в кампаниях, которые не обещали богатой добычи, тяготы воинской службы легли именно на плечи союзников. Было много споров относительно размеров благ для союзников. Их интересы поддержали такие государственные деятели-демократы, как Фульвий Флакк и Гай Гракх, но их старания лишь усилили консервативную оппозицию в сенате, однако недовольные союзники продолжали поставлять свои *алы* и *когорты*.

В конце II в. грянул кризис. Рим пребывал в состоянии войны с нумидийским правителем Югуртой, и после ряда неудач наконец был избран прославленный полководец Метелл, чтобы возглавить армию. Но война продолжала тянуться, и долгожданной римской победы все не было. Гай Марий, житель Арпино, служил в штабе. Он не одобрял стратегию Метелла, завидовал ему, и потому не поддерживал. Благода-

ря интригам его друзей среди демократов у себя дома он был отозван, избран консулом, получил провинцию Нумидия и войска против Югурты – после Метелла. Сенат проголосовал за выделение ему дополнительных сил для легионов. Но, отчасти из убеждения, что дополнительных сил недостаточно, отчасти по предложению своих демократических сторонников, Марий начал собирать войска по собственной инициативе из неконституционных источников. Тем самым он создал прецедент, который оказал важное влияние на последующую военную и политическую историю Рима.

Марий не довольствовался дополнением своей армии «храбрейшими людьми» в Лации и призывом под его знамена *эокатое* — отслуживших в армии ветеранов. Он использовал другой метод набора. Таким образом, пролетариат Рима, который в прошлом был лишен права вступить в легион и который принимали на службу только во время кризиса, теперь мог законно претендовать на военную службу. Политические результаты этого властного новшества Мария можно проследить в партийной политике того времени. Военные аспекты едва ли являются менее важными. Рекруты из числа римского пролетариата теперь нанимались на службу на определенный период – вероятнее всего, на двадцать лет. В 67 г. до н. э. был принят *lex Gabinia* — закон Габиния, назначивший Глабриона в провинцию Вифиния и предписывающий роспуск двух легионов армии Лукулла, которые первоначально были набраны Флакком в 86 г. до н. э.

и впоследствии поддерживали дело Фимбрия. Солдаты получили *legitima stipendia* (законные платежи) и отказались следовать за своим непопулярным новым командиром в новых кампаниях; как утверждает Цицерон, «Lucullus partim militum qui iam stipendiis confectis errant dimisit, partim M. Glabrioni tradidit». Таким образом, на протяжении последнего столетия республики и I в. принципата римский гражданин должен был служить в легионах двадцать лет, но даже самые успешные полководцы нередко увольняли солдат в конце кампании и до того, как *legitima stipendia* была выплачена. Кроме того, вместо ежегодной присяги – *sacramentum* — солдаты давали клятву, которая распространялась на всю их военную карьеру. Заслуживают внимания два момента. Во-первых, вместо армии, набираемой технически из средних классов и дополняемой в период кризисов из других источников, согласно срочным декретам сената, был официально признан институт профессиональной армии. Следовательно, на значительно более высокий уровень были подняты обучение и дисциплина. Позже мы увидим, что именно благодаря этим профессиональным солдатам Рим не только приобрел новые территории, но и осуществлял на них управление после завоевания. Во-вторых, политика набора войск по собственной инициативе, введенная Марием, вопреки оппозиции сената, создала опасный прецедент, который использовали многие генералы до конца периода республики. В результате генералы собирали армии для собственных целей,

платили солдатам из захваченной добычи и, когда работа завершалась, добивались от государства выделения наделов для ветеранов. Таким образом, вместо того чтобы создать государственную армию, в течение последнего века республики появлялась целая череда армий, верных своим полководцам. Тесная связь солдат с командовавшими ими офицерами, определенная второй частью присяги *sacramentum*: «Мы уйдем на покой, когда наша служба будет завершена, с разрешения консула», и усиленная долгими кампаниями за пределами Италии, была в немалой степени причиной ряда гражданских войн, имевших место в конце периода республики. Не было найдено и удовлетворительного решения для отрыва армии от домашнего правительства до того, как Август стал и главой государства, и главнокомандующим войсками в поле.

Еще одна важная реформа, которую приписывают Марию, имела тактическую природу. Сражение при Пидне стало триумфом манипула над фалангой, и эта новая диспозиция оставалась актуальной до тех пор, пока Рим не столкнулся с соперником, который использовал метод атаки, отличный от медленного методичного движения фаланги вперед. Не успел Рим успешно завершить кампанию против Югурты, как ему пришлось столкнуться с вторжением с севера кимвров (кимбров) и тевтонов. Эти германские племена придерживались другой тактики: они ставили все на стремительный натиск в начале битвы, и, чтобы справиться с такой атакой,

боевой порядок из трех рядов манипул оказался неудобен. Подразделения сами по себе были небольшие, и первая линия, как правило, оказывалась разделенной промежутками такими же широкими, как занимали сами манипулы. Следовательно, сильная уверенная атака могла без труда преодолеть сопротивление передовых линий. Вражеские войска могли беспрепятственно наступать через промежутки между манипулами и нанести удар по второй линии обороны. В войне против инсубров римляне пытались справиться с этой сложностью, используя *пилы* для удара, а не для броска, чтобы иметь возможность сопротивляться в сомкнутом строю натиску противника с длинными незаостренными мечами. Но небольшой размер манипулы оставался слабостью для таких сражений, и Марий решил укрепить первую линию обороны, увеличив размер отдельных подразделений и, если необходимо, снизив промежутки между ними. Так когорта заняла место манипулы в качестве тактической единицы римской армии, и легион был организован в десять когорт, каждая из которых подразделялась на шесть центурий. Эта реформа должна была дать большую сплоченность и устойчивость отдельным тактическим единицам, составлявшим линии наступления и обороны. Кроме того, деления на три линии теперь строго не придерживались. Это правда, что *triplex acies* — трехлинейный строй — с четырьмя когортами на первой линии и тремя когортами на каждой из последующих был стандартным построением Цезаря. Но ино-

гда использовалось две линии, и даже одна. В ходе кампании в Аквитании в 56 г. до и. э. Кресе использовал *duplex acies* — двухлинейный строй, а в одну линию Цезарь строил войско в Африке. Вполне вероятно, что Марий укрепил передовую линию обороны за счет резерва, впервые отражая атаку кимвров.

Эта реформа тактики обычно приписывается Марию на том основании, что последнее упоминание о манипулах, определенно использовавшихся в сражении, мы находим при описании действий Метелла против Югурты. Однако правомерность этого утверждения представляется неочевидной, отчасти из-за нестыковок в повествовании Саллюстия и отчасти из-за важного утверждения Полибия, которое вроде бы противоречит более позднему историку. Описывая кампанию П. Сципиона в Испании против Андобала (Индибилиса), Полибий упоминает когорты и создает впечатление, что они использовались в это время как новые подразделения римского легиона. Такое авторитетное утверждение предполагает, что когорта заменила манипулу уже во Второй Пунической войне, а не во времена Мария, как это обычно считается. Но если так, то странно, что Полибий не упоминает о когорте при детальном рассмотрении организации легиона, хотя признает их существование в контингентах *socii* — союзников, а в сравнении римского и македонского военного искусства именно манипулу, а не когорту противопоставляет фаланге. Возможно, формирование Сципиона было все-

го лишь экспериментом. В сражении с Андобалом он должен был вывести свои войска в долину, где врага поддерживала кавалерия. Манипула – слишком малочисленное подразделение, чтобы действовать самостоятельно в таких обстоятельствах. Поэтому Сципион объединил три манипулы в комбинированное подразделение, которое Полибий назвал когортой, и повел четыре такие «когорты» в долину. Таким образом, эта диспозиция была временным приемом, и Полибий показывает, что она не поддерживалась в последующих сражениях против Ганнибала и в Македонских кампаниях. Тогда, если манипула была тактической единицей при Пидне, утверждение Саллюстия, что Метелл использовал такой же боевой порядок против Югурты, может быть принято, поскольку нам ничего не известно о тактических реформах в промежуточные годы. Но представляется, что в кампаниях против Сертория когорта уже заняла место манипулы, да и Цезарь постоянно упоминает когорту как свою тактическую единицу. Известно, что Марий ввел усовершенствования в доспехи и оснащение, и нет ничего невозможного в том, что внедрение когорты в легион на постоянной основе является частью его военной реформы.

Увеличение размера тактической единицы с 120 до 600 человек подразумевало необходимость большей концентрации на небольших контингентах, составлявших когорту. Сотней людей может сравнительно легко управлять, как компактной боевой единицей, один человек. Рост численности

делает предпочтительным передачу части функций младшим командирам. Этот принцип был проиллюстрирован переменами в составе пехотного батальона, некогда имевшими место в британской армии. Раньше роты, насчитывающие сто человек, делились на четыре части, и, хотя такая организация давала командирам этих составных частей большую долю ответственности, все же рота была достаточно небольшой, чтобы оставаться под командованием одного командира роты. Целью перемен было создание более сложных подразделений внутри роты, и во многих отношениях прослеживались параллели с принятием когорты вместо манипул. Новые взводы, занявшие место прежних составных частей роты, первоначально включали 64 человека, а рота – 250 человек. Таким образом, рота стала слишком большой для эффективного контроля одним человеком, следовательно, возросла роль командиров взводов, у которых в подчинении были командиры отделений. Аналогичным образом когорта, насчитывавшая 600 человек, подразделялась на центурии, и эффективное исполнение тактических схем командира легиона во многом зависело от мастерства и опыта центурионов. В этот период центурионы были солдатами, накопившими опыт, сражаясь в рядовом составе. Они продвинулись по службе, отличившись храбростью в сражениях или доказав, что могут командовать людьми и поддерживать дисциплину.

После перехода от манипулярной к когортной организации прежнее деление солдат на *гастатов*, *принципов* и *три-*

ариев или *пиланов* устарело. Как только тактическая диспозиция перестала ограничиваться строго тремя линиями и построение в одну, две или три линии стало одинаково осуществимым, дифференциация войск по их положению на той или иной линии утратила смысл. В будущем названия *гастаты*, *принципы* и *триархи* сохранилось только для отличия ранга шестидесяти центурионов в легионе. По странной инверсии, аналогичной той, что раньше поменяла местами *принципов* и *гастатов*, *пиланы* (возможно, потому, что они изначально были самыми возрастными солдатами) теперь обозначали старших центурионов в каждой когорте, а *гастаты* – младших⁷. Центурионы теперь назывались *prior* и *posterior* (то есть передний и задний), а не правый и левый, как раньше. В когорте по ширине фронта располагалось три центурии, и еще три – за ними.

Величайшим честолюбивым желанием всех центурионов было стать *primus pilus* – примипилом – самым высоким по рангу центурионом легиона. По свидетельствам Полибия можно проследить систему продвижения по служебной лестнице, которую легче всего понять с помощью диаграммы.

⁷ Таким образом, старший центурион назывался *primus pilus* – примипил, а младший – *decimus hastatus posterior* – децимус гастатус постериор.

	Пилус передний (первый)	Пилус задний (второй)	Принцип передний (первый)	Принцип задний (второй)	Гастат передний (первый)	Гастат задний (второй)
Когорта I						
Когорта II						
Когорта III						
Когорта IV						
Когорта V						
Когорта VI						
Когорта VII						
Когорта VIII						
Когорта IX						
Когорта X						

Диаграмма показывает, что в каждой из десяти когорт легиона было два старших центуриона пилуса (*pili*), два центуриона – принципов (*principles*) и два – гастатов (*hastates*). От чего зависело старшинство? Есть две возможности: или все центурионы *гастатов* были младше по положению, чем центурионы *принципов*, а те, в свою очередь, были младше по положению, чем центурионы *пилуса*, или старшинство определялось по когортам – центурионы первой когорты были старшими, а десятой – младшими офицерами легиона. Лучшее свидетельство можно найти в анализе значения выражения *primi ordines*. Центурионов *primorum ordinum* Цезарь связывал с военными трибунами, они могли считаться не просто командирами центурий, а, возможно, составляли избранный штаб, консультировавший консула. Опять же сле-

дует принять во внимание упоминания Цезаря о центурионах в отношении известных соперников Пуллона и Борена, которые постоянно конкурировали друг с другом и желали войти в вожделенный *primi ordines*. Выражение можно трактовать по-разному. Или *primi ordines* — это ведущие центурионы (то есть *pili proires*) в каждой из десяти когорт, или это шесть центурионов первой когорты, или некая комбинация. Отрывок из Цезаря дает ключ к пониманию термина, по крайней мере, во время последнего века республики. «(Scaevam) Caesar... ab octavis ordinibus ad primipilum se traducere pronuntiavit». Это, конечно, исключительное продвижение, и важно то, что *octavi ordines* определенно означает центурионов первой когорты, и остальные центурионы также различались, как принадлежащие к *ordines* с номером когорты, в которой они служили. Следовательно, старшие центурионы легиона — это центурионы первой когорты во главе с *примипилом*. Центурионы десятой когорты — младшие.

Как продвигались по службе центурионы? Если человек начинал службу в качестве *децимус гастатус постериор*, должен ли он был получить повышение пятьдесят девять раз, чтобы стать *примипилом*? Или каждое повышение включало смену когорты и после девяти повышений *децимус гастатус постериор* мог добраться до первой когорты? Во времена принципата можно найти пример обеих систем; но если первая относилась, как мы увидим, к бывшим рядовым, ко-

которые никогда не поднимались слишком высоко по карьерной лестнице, последняя была обычным методом продвижения по службе центурионов, которые в конце концов достигали высшего ранга. Свидетельства периода республики являются намного менее убедительными. Вероятнее всего, второй метод продвижения по службе был обычным, но всевозможные военные чрезвычайные обстоятельства требовали исключительных повышений, как в случае со Сцевой. Выражение *octavi ordines*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.